
НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

УДК [338:330.3]: [330:16:330.117] (477)

В. М. ГЕЕЦ,
профессор, доктор экономических наук, академик НАН Украины,
директор ГУ “Институт экономики и прогнозирования НАН Украины”,
Главный редактор журнала “Экономика Украины”,
ул. Панаса Мирного, 26, 01011, Киев, Украина

ЭНДОГЕНИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В ИЗМЕРЕНИИ РАВНОПРАВИА ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА, БИЗНЕСА И СУБЪЕКТОВ ГОЛОСОВАНИЯ *

Украина, являющаяся в глобальном пространстве во многом пока еще объектом, а не субъектом, способным реализовывать инициативы, прежде всего в сфере экономики, сейчас находится на этапе перехода от так называемого развития, где доминируют факторы производства, к следующей стадии, где доминируют факторы эффективности. Успешность перехода невозможно обеспечить без функционирования институтов, в которых индивидуальные интересы людей вовлечены в деятельность соответствующих структурных формирований, а принадлежность к ним наделяет индивидов определенным статусом с определенными правами и обязанностями. В случае отсутствия такого сочетания институтов и интересов людей национальная экономика не способна к саморазвитию, переходу на стабильную траекторию долгосрочного экономического роста на основе эндогенизации, благодаря которой роль доминирующих в настоящее время в экономическом развитии экзогенных факторов будет уменьшаться.

Ключевые слова: экономическое развитие; сырьевые рынки; квазиэкономика; трансформационные изменения; эндогенизация развития; экстрактивные институты; инклюзивные институты; демократические институты.

Библ. 21.

UDC [338:330.3]: [330:16:330.117] (477)

VALERII HEYETS,
Professor, Doctor of Econ. Sci., Academician of the NAS of Ukraine,
Director of the Institute for Economics and Forecasting of the NAS of Ukraine,
Editor-in-Chief of the “Economy of Ukraine” Journal,
26, Panasa Myrnoho St., Kyiv, 01011, Ukraine

ENDOGENIZATION OF THE ECONOMY DEVELOPMENT IN THE ASPECT OF EQUALITY OF RIGHTS RELATIONS AMONG THE STATE, BUSINESS AND VOTING SUBJECTS

Ukraine, which in the global space in many ways is still an object and not a subject capable of implementing initiatives primarily in the economic sphere, is currently in the transition stage

© Геец Валерий Михайлович (Heyets Valerii), 2018; e-mail: gvm@ief.org.ua.

* Статья подготовлена по результатам исследования 2018 г. по теме “Макроперспективы эндогенизации экономического развития Украины”, проводимого в рамках приоритетного тематического направления научных исследований и научно-технических разработок НАН Украины “Фундаментальные исследования по актуальным проблемам общественных и гуманитарных наук”.

Материал публикуется в продолжение дискуссии, начатой автором статьей “Общественный капитал – 25: огосударствленность или государственное созидание?” // Экономика Украины. – 2016. – № 8. – С. 3–6 и статьей “Особенности взаимосвязи экономических и политических предпосылок реконструктивного развития экономики Украины” // Экономика Украины. – 2016. – № 12. – С. 3–21.

Продолжение. Часть I была опубликована в № 10, 2017 г.

from so-called development where the factors of production dominate to the next stage, where the factors of efficiency dominate. Success of the transition cannot be ensured without functioning of institutions in which individual interests of people are involved in activities of the relevant structural formations and belonging to them gives individuals a certain status with certain rights and responsibilities. In the absence of such a combination of institutions and people's interests, the national economy is not capable of self-development and transition to a stable path of long-term economic growth on the basis of endogenization, thanks to which the role of the dominant exogenous factors in economic development will be reduced.

Keywords: economic development; commodity markets; quasi-economy; transformational changes; endogenous development; exclusive institutions; inclusive institutions; democratic institutions.

References 21.

Успешное экономическое развитие Украины в трансформационном пространстве и времени, прежде всего, должно опираться на экономический рост, который экзогенно зависим, о чем свидетельствуют исследования на эту тему, выполненные в Институте экономики и прогнозирования НАН Украины за период 2014–2017 гг. В частности, С. Кораблин доказал, что за это время произошло существенное падение промышленного производства в перерабатывающих видах деятельности по сравнению с горнодобывающей и металлургической промышленностью, а также аграрным сектором экономики, что обусловило формирование специализации украинской экономики в мировом разделении труда по продукции сырьевого характера и простейшей ее переработке, и это для Украины – так называемая “ловушка сырьевых рынков” [1]. Продукция этих видов производств стала основными статьями украинского экспорта, цены на которую на мировых рынках имеют периодическую тенденцию то к повышению, то к существенному падению. Это Украина уже неоднократно почувствовала через динамику роста экономики и, что особенно важно, в связи с падением темпов роста ВВП на фоне трехкратного кризисного обострения в экономике, бюджетной и банковской сферах, в виде резкого снижения курса национальной валюты, падения уровня жизни населения.

Украинская экономика, несмотря на процессы формирования рыночной среды, во многом имеет признаки квазиэкономики [2]. Отдельные виды высокоиндустриальных производств, в частности, в атомной энергетике, аэрокосмических видах деятельности, некоторых сферах IT-технологий, хотя и сохраняются, но совокупно пока не оказывают доминирующего влияния на состояние промышленного производства на фоне падения уровня жизни, когда 50% населения нуждаются в помощи со стороны Украинского государства, относящегося к странам так называемого “периферийного капитализма”. Экономика таких стран имеет специфическую структуру. В частности, в Институте экономики и прогнозирования НАН Украины и Центре Разумкова выполнены исследования отечественной экономики с учетом глобальных процессов ее трансформации. В.Р. Сиденко отметил, что за 25 лет структура украинской экономики значительно деградировала на фоне тех процессов, которые происходят в так называемых странах-лидерах, формирующих ядро капиталистического центра. В итоге он пришел к выводу, что в результате осуществленных трансформаций в экономике мы получаем процесс “структурного упрощения экономики и ее приближения к структурным характеристикам менее развитых стран мира” [3, с. 28], который сопровождается ослаблением потенциала экономического роста. Соответственно, институты украинской экономики не сформированы до уровня требований общества и имеют признаки экстрактивных вместо необходимых инклюзивных [4]. В части экономических и финансовых возможностей развития отечественная эко-

номика не только финансово-, но и экспортозависима, поскольку состояние дел обусловлено исключительно внешними заимствованиями, предоставленными международными финансовыми институтами и странами-кредиторами, и динамикой цен на мировых рынках. Что касается геополитических возможностей, то Украина в глобальном понимании во многом пока еще объект, а не субъект, способный реализовывать политические инициативы прежде всего в сфере экономики, поскольку она находится на стадии перехода от так называемого I этапа развития с доминированием факторов производства ко II, где доминируют факторы эффективности с 5–10-процентным удельным весом инноваций. По критериям же Индекса глобальной конкурентоспособности, рассчитываемого по данным Всемирного экономического форума (2016–2017 гг.), на III этапе развития, где доминируют инновационные факторы, удельный вес последних достигает 30% и выше, ВВП на душу населения в этих странах составляет пороговое значение – более 17 тыс. дол., а вес факторов производства в 2–3 раза меньше, чем при переходе от I ко II этапу (что характерно для украинской экономики). Анализ структуры экспорта при таком переходе показывает, что в трансформационном периоде экономика Украины находится в так называемой “ловушке сырьевой зависимости”, специализируясь в основном на экспорте сырья и товаров его первичной переработки. В случае нерешенности соответствующих задач по успешному переходу к доминированию во времени факторов эффективности для экономического роста будет все меньше ресурсов, поскольку, согласно существующим исследованиям и гипотезе Пребиша – Зингера, выдвинутой еще в 1950-е годы, в долгосрочной перспективе *цены на сырье падают по сравнению с ценами на промышленную продукцию*, и, соответственно, ухудшаются условия торговли для сырьевых экономик.

История II половины XX в. знает ряд примеров преодоления зависимости экономик стран “периферии” от экспортных цен на сырье и их аграрной специализации. Это была “Доктрина ЭКЛА”, на которой основывался план модернизации, в частности, стран Латинской Америки в 1950–1960-е годы. В дальнейшем была разработана политика индустриализации в странах Латинской Америки на основе импортозамещения, позднее – идеологии Вашингтонского консенсуса, базировавшейся на неолиберальной модели, где доминировали либерализация цен и внешнеторговых отношений, приватизация и дерегуляция. Не вдаваясь в детальное исследование основ ортодоксального неолиберализма, поскольку это предмет специального анализа, а значит, другой публикации, можно утверждать, что итогом в этих странах стали результаты, получившие название “потерянные десятилетия”, причем даже там, где удалось достичь определенных положительных сдвигов в индустриализации экономики отдельных стран. Практически ни в одной из них так и не произошел технологический прорыв на основе национальных инновационных достижений, которые позволили бы войти в число стран с доминированием факторов инноваций.

Ответ на такое положение дел следует искать в существующей неразрывной связи “между политическими и экономическими траекториями Запада в тот период, возрождением неолиберальной экономической теории и политики и последующей кончиной демократических институтов... Демократии превратились с использованием разнообразных способов и ресурсов в олигархию и партократию, служащие исключительно узкой, эксклюзивной экономической элите. Эта сила используется для усиления и увеличения концентрации богатства и власти. [...] Рост неолиберализма в последние десятилетия – захват политической, финансовой и корпоративной власти за счет коррупции, доступ к регулированию и в крайнем случае захват государства... представляют собой фундаментальную угрозу будущему демократии” [5, с. 13–14, 20].

Выход из положения, которое ныне проявляется в глобальном измерении в рамках идеологии неолиберализма, благодаря чему имеет место увеличение концентрации богатства и власти с угрозой формирования уже в недалеком будущем так называемого “нового средневековья”, Г. Джейкобс видит в том, чтобы по-новому решить проблему отношений между экономической и политической властью путем разработки и реализации социальной теории, согласно которой признается “тот факт, что все формы власти – экономическая, военная, политическая, технологическая, образовательная и культурная – взаимосвязаны и взаимозаменяемы” [5, с. 21], а значит, по нашему мнению, должны быть равноправными. В реальности же “в мире наиболее остро стояли три темы: рынки работают совсем не так, как должны, поэтому они с очевидностью не являются ни эффективными, ни стабильными, политическая система не исправляет ошибки рынка, а экономическая и политическая системы в совокупности носят фундаментально несправедливый характер” [6, с. 36].

Указанные последствия изменений экономического и политического взаимодействия в глобальном измерении иногда воспринимаются как две отдельные сферы деятельности, но вместе с тем, как было показано для условий Украины [7], они не являются таковыми, поскольку политическая власть в трансформационном периоде использовала это для получения экономической власти, и наоборот. Следовательно, трансформация политической и экономической власти в Украине происходила согласно идеологии неолиберализма, что привело к формированию олигархата, появлению возможности защитить корыстные интересы правящего класса, социальному неравенству, коррупции, отсутствию контроля над властью и ряду других негативных последствий доминирующей идеологии неолиберализма в трансформационных изменениях как экономики, так и общества. Негативные последствия проявились в результате трансформационных изменений, которые, казалось, открыли “окно возможностей”.

С позиций политической философии XX в. формирование рыночной среды на самом деле было малореалистичным, поскольку “рынки сами по себе, даже тогда, когда они стабильны, часто приводят к высоким показателям неравенства, что на выходе означает несправедливость... Для личности невероятно важно чувство справедливости. Ощущение экономической и политической несправедливости разжигает протестное движение по всему миру, чем бы оно ни было” [6, с. 38–39], что, собственно, стало характерным и для Украины, поскольку “социальное и экономическое неравенство, например, в богатстве и власти, справедливо, если только оно ведет к компенсирующим преимуществам для каждого человека и, в частности, для менее преуспевающих членов общества... трудности для некоторых людей компенсируются большими благами общества в целом. То, что некоторые должны иметь меньше, чтобы остальные процветали, может быть, и рационально, но несправедливо... разделение преимуществ должно быть таким, чтобы вызвать желание к сотрудничеству у каждого, включая тех, чье положение ниже... ожидать сотрудничества со стороны других, когда некая работающая схема является необходимым условием благосостояния всех” [8, с. 28–29]. И так, в Украине соотношение благ между отдельными группами людей, согласно приведенным критериям, не только несправедливое, но и нерациональное. Выход из такой ситуации и достижение принципов межгруппового сотрудничества для благосостояния всех должны пройти через развитие конкурентных отношений на основе равноправия субъектов, поскольку “демократия в конечном счете заключается в способности противостоять власти (силе), происхождению, богатству и личному влиянию власти масс, власти количества – количества граждан, какими бы они ни были” [9, с. 401]. А это

означает, что, согласно идее Алинского, “пришло время для политиков и других лидеров сделать следующий шаг и начать видеть в избирателях жителей и гражданских творцов этих изменений. Политик должен рассматривать свою работу как работу организатора, частично учителя и советника, который не должен пренебрежительно отзываться об избирателях, но учить их видеть реальный выбор из того, что им доступно” [9, с. 424]. А это возможно при условии равноправных отношений между избирателями и государством, которое олицетворяет политику тех, кто при власти, или тех, кто борется за власть, и бизнесом, который тоже имеет свою сферу влияния как на избирателя, так и на упомянутых политиков. При этом мы должны учитывать, что глазами протестующих, а таких по всему миру немало, “капитализм видится провальным в своих обещаниях благополучия, но достаточно продуктивным в создании негативных побочных эффектов — неравенства (что носит глобальный характер, в том числе и в развитых странах. — *Г.В.М.*), загрязнения окружающей среды, высокого уровня безработицы и, что самое важное, деградации ценностей, когда все может быть уместным и ничто не контролируется” [6, с. 44].

Особенности взаимосвязи трансформаций в политических и экономических сферах в Украине характеризуются тем, что в первую очередь остаются нерешенными противоречия между менталитетом и способом выживания в условиях, когда существуют постоянная борьба за власть, контроль над властью со стороны как капитала, так и политических институтов, представляющих интересы субъектов голосования, при углублении между ними неравенства и ограничении их возможностей, прежде всего, для развития личности на фоне непрекращающихся политических и экономических кризисов и нестабильности, которые все больше погружают Украину в долговые обязательства. Неравенство условий для людей и бизнеса — признак закрытого, а не открытого “окна возможностей”, что, собственно, также является своеобразной характеристикой неолиберальных трансформаций. Идеология политики неолиберализма (как новый для переходных обществ и экономик принцип реформирования) в условиях отсутствия либеральных традиций и соответствующих им институтов ведет к ориентации, с одной стороны, на радикализацию поведения, когда проявляются хитрость и коварство [4], что особенно характерно для деятельности узкого круга элиты, а с другой — на личность, которой свойственен традиционализм взглядов широких масс населения. Однако исследования Института социологии НАН Украины свидетельствуют, что 76–90% опрошенных в разные годы за период 1992–2014 гг. отмечали, что многое из того, во что верили их отцы, рушится на глазах; кроме того, почти столько же людей вообще ни во что не верят [10, с. 36]. И это при том, что достаточно близкий показатель получен в обследовании, где опрошенное население утверждает, что большинство людей способно солгать, чтобы продвинуться по службе [10, с. 38], а это свидетельствует об их склонности к оппортунистическому поведению. В посттрансформационном обществе политическое и экономическое неравенство проявилось еще сильнее, несмотря на расширение политического плюрализма, но угроза подкупа масштабно беднеющих субъектов голосования ради результатов выборов постоянно формирует угрозу невозможности минимизировать как политическое, так и экономическое неравенство. По нашему мнению, в этом заключается ответ на вопрос, почему возникли и продолжают действовать не инклюзивные, а экстрактивные институты, с негативными последствиями для экономики и общества, ведь именно эти учреждения имеют значение для экономического роста. В Украине наблюдается борьба между коллективизмом прошлого и современной индивидуализированной активностью, со склонностью к оппортунистическому поведению. Эта глубокая противоречивость обусловлена исторически, что, собственно, проявилось в высоком уровне социального

воплощения в экстрактивных институтах. Таким образом, с одной стороны, перед обществом, которое на существующих принципах через традиции, обычаи, культуру, религиозную ориентацию и социальное исцеление влияет на процессы трансформаций, а с другой – перед государством встают задачи гармонизации деятельности государственных институтов, церковных организаций, партий и движений, чтобы украинский народ в личных отношениях не утратил такие качества, как взаимопонимание, взаимопомощь и открытость, поскольку неконтролируемые рынки по своим результатам разрушительны, потому что, как отмечает Дж. Стиглиц, не имеют нравственного фундамента. В то же время человек должен оставаться морально удовлетворенным, сохраняя, таким образом, современное цивилизованное сообщество, где доминируют принципы демократического капитализма с широким представительством населения и его явной, а не формальной возможностью влиять на процесс принятия решений в сфере экономики путем участия в демократически организованных выборах без их корпоративного и административного контроля узким кругом новой элиты. Это, собственно, создаст условия для последовательного отхода от экстрактивных институтов и перехода к инклюзивным. Данный вопрос остается на сегодня проблемным. Так, проведенные в 2016 г. Институтом социологии НАН Украины обследования подтверждают, что среди наиболее влиятельных социальных групп, играющих значительную роль в жизни гражданского общества, – предприниматели, бизнесмены, лидеры политических партий, а также мафия и преступники. К ним по степени влияния приближаются служащие госаппарата (чиновники). Другие социальные группы существенно отстают (возможно, кроме рабочих, которые слабоорганизованы), а активно формирующийся прекариат вообще пока остается вне интересов государства и частного бизнеса, где периодически работает эта часть населения. Именно поэтому, после признания еще в 2005–2006 гг. мировым сообществом Украины страной с рыночной экономикой, вместо достижения институциональной обусловленности, влияющей на экономический рост на основе обеспечения модернизационных процессов в экономике и обществе, крупный украинский капитал, при участии бюрократии, осуществил перераспределение собственности в свою пользу, сформировав олигархат. В конечном итоге это породило глубокий политический конфликт с человеческими жертвами и актуализировало стремление к реализации политики деприватизации власти крупным капиталом.

Кроме того, важно, чтобы на этом пути были преодолены противоречия между экономикой и политикой, что требует, прежде всего, отхода от политического цикла в экономической политике, ведь ключевая задача реформ по отделению влияния политики на деятельность предприятий так и не выполнена, хотя она и была одной из основных идеологем реформирования. В реалиях процесс приобрел другую форму, изменив отдельные составляющие содержания идеологии. К сказанному следует добавить, что при разбалансированных государственных финансах и высоком уровне зависимости от внешних заимствований в Украине как в политическом, так и в экономическом смысле усилилось влияние внешнего управления, выросла внешняя задолженность и снизилась роль демократических процедур выборов. Население в сложившихся условиях практически не имеет возможности с помощью голосования противостоять влиянию, в том числе и экзогенному, надеясь при этом, что в дальнейшем возможен экономический рост, который позволит сгладить противоречия в сфере экономики и политики. В противном случае впереди нас ждет распространение массовой бедности. В Украине за последние три года, после существенного падения экономики и реализации политики жесткой экономики, 51,1% населения, по итогам 2016 г., имели уровень доходов ниже прожиточ-

ного минимума. В дополнение необходимо отметить, что возможности преодоления указанной деструкции в доходах украинцев очень ограничены, поскольку такая тенденция является логической последовательностью соответствующих процессов. Если все и дальше будет так происходить, то через 20 лет мир станет еще более несправедливым, будут формироваться миры миллиардов бедняков, что станет характерным признаком “нового средневековья”, поскольку те, кто имеет имущество или капитал, будут богатеть намного быстрее тех, кто такого имущества не имеет [11]. С учетом сказанного, высока вероятность проявления так называемого “демократического самовыражения” – путем не выборов, а обострения, которое может закончиться, с одной стороны, уличными противостояниями, а с другой – массовой миграцией из страны, которая уже сейчас достигла сверхкритических масштабов, ведь бизнес массово сталкивается с кадровой проблемой.

Исторический опыт трансформаций государства и его политики свидетельствует, что реальная сила государства как наиболее развитого общественного института зависит в первую очередь от того, насколько адекватно оно отражает господствующие общественные идеи и приоритеты и какова поддержка политических сил. Вместе с тем обществу нужна ценностно-нормативная легитимация, с которой в Украине не все в порядке: «В ценностно-нормативном измерении наша страна оказалась на четвертой с половиной стадии развития морального сознания (по Л. Кольбергу). На этой стадии существуют определенные риски регресса относительно конвенционной степени (третья степень по Кольбергу), то есть родственного этноса, который в отношении общества действует наподобие этноса мафиозных группировок или доконвенционной стадии развития морального сознания, предельным проявлением чего является максима “око за око, зуб за зуб”» [12, с. 10]. Можно утверждать, что переход от этого ценностно-нормативного состояния к более прогрессивному в Украине связывают с развитием диалогического типа ответственности, “исходным пунктом которой являются этнос взаимности зрелых лиц и регуляторный принцип справедливости. Этот тип предполагает общую ответственность, когда решения принимаются вместе со всеми участниками на основе определенных процедур, предусматривающих диалогическое согласование интересов и волю к родственному консенсусу. Надеемся, что власть (то есть государство. – Г.В.М.) взяла на себя ответственность, стремясь построить демократические институты, ориентированные на участие граждан в принятии решений” [12, с. 15–16]. Вместе с тем складывается впечатление, что в реальной политике власть взяла курс на внедрение *диалогической модели ответственности* [12, с. 18]. Однако тогда возникает вопрос, что же может дать надежду на построение такой модели? Ответ таков: при ее отсутствии в украинском обществе произойдут процессы, которые не дадут новых шансов на будущее из-за риска регресса, а значит, будут существовать угрозы в целом населению и отдельным людям. А потому “пока *сопротивление небытию* (Nein zum Nichtsein) – и прежде всего небытию человека – является тем первым шагом, благодаря которому этика в ситуации угрозы будущему должна побуждать коллективное действие *к утвердительному ответу бытию* (Ja zum Sein), который становится обязанностью человека по всей совокупности вещей” [13, с. 211]. И это дает надежду, поскольку “парадокс нашей ситуации заключается в том, что мы должны прийти от дрожи к потерянному благоговению и, начав с отрицательного, заново достичь воображаемой нами позитивности” [13, с. 340].

В Украине в ходе осуществления реформ государство слишком дистанцировалось от общественных процессов, что привело к потере основных защитных и системообразующих функций его служения обществу. Причина заключается в том, что,

согласно так называемой новой институциональной экономике В. Уильямсона, как и институционалистов других направлений, признающих неформальные институты высшего уровня, где доминируют исторические, ментальные, культурные, религиозные детерминанты, *кто* или *что* меняются во времени очень медленно, то есть достаточно инертны, тогда как институциональная составляющая уровня государства должна меняться как можно быстрее. Государство выступило инициатором как экономических реформ, так и изменения общественно-экономического устройства, поэтому именно оно в первую очередь несет ответственность за положение дел и их результаты. С учетом того, что нынешние государственные институты и власть в целом имеют низкий уровень доверия в обществе [14], становится понятным, что без тесного сотрудничества государства с организациями гражданского общества (через формирование социальных институтов с использованием технологий социального прогнозирования) успешное реформирование отечественной экономики и активная экономическая политика если и возможны, то только благодаря слишком медленному продвижению вперед, да еще и под давлением внешних факторов. При этом следует учитывать, что успех влияния таких факторов, по опыту последних более чем 25 лет, сомнителен, поскольку максимальный потенциал развития, заложенный в потенциал нации, должен быть использован. Вот почему в Украине следует актуализировать принципы «развивающего протекционизма» в соответствии с национальными экономическими интересами. Последние находятся под серьезным экзогенным давлением, поскольку в условиях новой реальности, то есть нынешнего глобализированного мира, транснационализированный капитал является макрорегулируемым. И благодаря этому он по влиянию сильнее национальных государств, зависящих от внешнего влияния кредиторов, которые предоставляют им займы. В соответствии с практикой предоставления займов и грантов, развитие отношений и обеспечение разных дополнительных прав все больше связывают с выполнением определенных предварительных условий. Например, от Украины требуют снять ограничения на вывоз леса-кругляка в обмен на финансовую помощь со стороны отдельных стран ЕС. Тем временем много изменений было навязано этим же странам, что соответствовало долгосрочным интересам уже других государств [15, с. 9]. Преодолеть указанную экзогенную зависимость, ограничивающую национальный суверенитет, невозможно без национального протекционизма, при котором в качестве основы равноправия взаимодействуют рыночные силы бизнеса и государства, которое предопределяет деятельность институтов, формируя рыночные силы и опираясь на социальные нормы, отстаиваемые субъектами голосования.

В рыночной экономике экономическая деятельность организовывается, с одной стороны, институционализированным путем согласно законам рынка, а с другой – нерыночными методами по предоставлению населению коллективных благ на основе льготного или бесплатного удовлетворения государством индивидуальных и коллективных потребностей. Послемайданные процессы преобразований в политике и экономике Украины поставили на повестку дня вопрос о расширении сферы влияния рыночных отношений, в том числе и на часть социально значимых условий в отраслях образования и здравоохранения. Неучтенные последствия возможных изменений в этих сферах, по нашему мнению, будут углублять и так уже существующее в Украине неравенство, поскольку рыночные возможности по удовлетворению потребностей в социально значимых сферах смогут реализовать только те, кто уже осуществляет рыночную деятельность и получает соответствующие доходы, а это меньшая часть населения. Остальные и дальше будут за пределами необходимой социальной доступности и пополнят ряды тех, кто останется без со-

циальной защиты, а потому либо покинет страну, либо маргинализируется, имея, к тому же, в целом патерналистские настроения.

Роль институтов, действующих вне рыночных принципов, в жизни организованного общества исключительно велика. На фоне этого построены многочисленные теории общественного развития, прежде всего политической направленности. В основном институт воспринимается как совокупность формальных (зафиксированных юридически), неформальных (зафиксированных в повседневном праве, то есть в обычаях и традициях) и спонтанно определенных границ, структурирующих взаимодействие индивидов в экономической, политической и социальной жизни. Тем не менее, в чисто экономических аспектах взаимодействия между институциональными единицами есть большая доля рациональности. В последние годы набирает силы новый институционализм — как на Западе, так и на Востоке. Методологически он отталкивается от анализа *индивидуальных взглядов людей, а правовые, организационные и другие отношения рассматривает как следствие непосредственного взаимодействия индивидов* [16]. Институциональные критерии базируются на учете конкретных исторических условий той или иной страны, преемственности традиций, идей, духовного мира населения, системы ценностных представлений. Однако эти критерии не сводятся к чисто психологическим признакам, *а построены на взаимодействии между отдельными элементами, что порождает определенную целостность экономической и общественной систем в целом и при этом имеет существенную политическую поддержку, в том числе и в направлении расширения влияния власти рынка*. Если сказанное реализуется в обществе, тогда расширение власти рынка воспринимается без внутреннего сопротивления, чего нельзя сказать о ситуации в Украине. Например, в 2017 г. 54,5% опрошенных считали, что крупные частные предприятия целесообразно вернуть в собственность государства и вообще их не стоит приватизировать. А вот 28,6% полагают, что возвращать государству приватизированные предприятия не следует [17]. Собственно, такие данные свидетельствуют о наличии в Украине сопротивления расширению власти рынка. И тем самым мы определенным образом выпадаем из глобальных тенденций, поскольку на этой стадии развития рынок все больше заполняет ранее недоступные для него ниши. Вместе с тем, поскольку сейчас благодаря технике и технологиям развиваются новые, недоступные рынку ниши, то расширение его власти в глобальном измерении воспринимается без внутреннего сопротивления. Это означает, что со временем можно ожидать и перехода к состоянию, в которое “вовлечены государство, рынок и совместное производство за пределами рынка” [18, с. 16]. В таком аспекте глобальных трансформаций Украина пока выпадает из контекста предстоящих изменений.

Концептуально институционализм исходит из принципа целенаправленного организационного взаимодействия, когда индивидуальные интересы людей вовлечены в деятельность структурных образований, а принадлежность к ним наделяет людей определенным статусом с соответствующими правами и обязанностями, что является базой для решения упомянутых диалектических противоречий между личностью и государством. Институт выступает как способ согласования частей и целого, но таким образом, что каждая часть (группа) имеет черты системы и организационную самостоятельность, не связанную с обязательной административной подчиненностью, и обеспечивает разного рода деятельность: с одной стороны, общественную, а с другой — хозяйственную, и в этом заключается одна из ключевых особенностей реконструктивного развития [7], когда проблема взаимосвязи политического и экономического должна быть решена, чтобы преодолеть доминирую-

шее влияние политического цикла в экономической политике Украины, который длится в течение почти всего периода независимости.

Без такого рода институтов национальная экономика не способна к саморазвитию, переходу на стабильную траекторию долгосрочного экономического роста на основе эндогенизации, благодаря чему роль экзогенных факторов в экономическом развитии, доминирующих в настоящее время, будет ослабевать. В переходный период первостепенное значение приобрел процесс создания нового соотношения разных форм собственности и институциональной обусловленности их действия. Очевидно, что заимствованные установки в отношении доли государственного сектора, корпоративной, частной и иностранной собственности способны лишь копировать чужой опыт и не всегда отвечают действительным потребностям национальной экономики.

Параллельно с преобразованием отношений собственности на пути отхода от доминирующей государственной к смешанной формировалась институциональная система взаимодействия разных собственников. Это означает, прежде всего, признание общих правил поведения субъектов хозяйствования и создание государственных и негосударственных институтов, которые обеспечат рыночное, то есть на конкурентных началах, функционирование тех сфер и субъектов, которые вовлечены в процесс рыночного взаимодействия в соответствии с договорными формами их кооперации на рынке. В результате этого должна быть решена новая для нас проблема формирования эффективного владельца, чтобы появилась возможность правовой защиты украинского общества от его неэффективной деятельности, часто осуществляемой вопреки общественным интересам.

В Украине преобразование административно-командной системы происходило на принципах *ортодоксальной неолиберальной модели, благодаря которой корпоративизм, воспользовавшись высочайшими уровнями осведомленности и использования ресурсов, получил возможность существенно влиять на политические решения и даже контролировать их. Вследствие этого реформы оказались экономическим романтизмом в плане возможности построения эффективной системы общественного и экономического развития*, что углубило противоречия, прежде всего, в части распространения неравенства и бедности.

Решающая роль в экономических преобразованиях принадлежит системе приоритетов, которых исполнительная власть придерживается в своей политике. Следовательно, стоит отметить, что в реальной иерархии приоритетов в течение последних лет на первом месте стояла политика институциональной реформы в связи со структурной (регуляторной) либерализацией и усилением власти рынка. Это обусловило замену принципа “производство ради производства”, характерного для прошлой системы, принципом “институциональные изменения ради институциональных изменений” в современном их измерении. Что имеется в виду? Изменение системы приоритетов на самом деле означало, что цель повышения эффективности в экономике была принесена в жертву установкам на проведение институциональных реформ, и в первую очередь приватизации, которая во многом имеет политический подтекст. Если в начале реформ это было инструментом недопущения возврата прошлой политической системы, то на нынешнем этапе — служит как в угоду крупному капиталу, который в Украине и без того имеет сверхвысокую степень монополизма, так и требованиям кредиторов с целью обеспечения доступности крупного капитала извне и выполнения долговых обязательств. Кроме того, современный этап приватизации в условиях все большей зависимости Украины от присутствия в ее экономике иностранного капитала может рассматриваться как одно из условий облегчения его поступления в страну, прежде всего, из государств-кре-

диторов. Формирование в Украине частной собственности по такой модели реформ усилило и впредь будет усиливать действия крупных корпоративных группировок, которые, имея свободный доступ к рынку, одновременно будут обеспечивать реализацию условий внешних кредиторов.

В теории и на практике одной из важнейших функций любых институтов является сокращение транзакционных издержек. В наших условиях разрушение старой институциональной структуры и формирование новой оказались значительно разорванными во времени. Как результат, транзакционные издержки увеличились многократно, причем этот процесс носит мультипликативный характер. По экспертным оценкам, в различных сферах они увеличились с 10–20% до 30–50% от уровня цен конечного потребления. Такую нагрузку без потерь не способна выдержать даже самая рентабельная экономика. В украинских условиях радикальное улучшение качества институциональной среды, формирующейся мерами государственного регулирования, превращается в улучшение делового климата, упрощает технологии ведения бизнеса, сокращает время его формирования и взаимодействия и в результате снижает предпринимательские расходы. В совокупности получаем составляющие реконструктивного развития, в процессе реализации которого растут инвестиционные ресурсы бизнеса и улучшается среда для инвестирования путем последовательного разрушения советской институциональной структуры с ключевым отходом от посреднической монополии государства к формированию разветвленной сети посреднических функциональных структур частного характера, деятельность которых, к тому же, обязаны контролировать гражданские институты.

Одной из центральных задач экономической политики реконструктивного характера должно стать формирование крупных стратегических посредников, которые бы, и это самое главное, не имели олигархических признаков и конкурировали между собой на фоне проведения эффективной антимонопольной политики государства, содержание и характер которой имеют достаточно широкий спектр возможностей по ее применению. В частности, чрезмерное социальное расслоение, существующее в переходных экономиках, становится базой для социальной и политической нестабильности, в том числе и вследствие неразвитых конкурентных отношений. Такое положение дел противоречит нашей направленности, в том числе политической, в сторону европейского сообщества. По сути, мы имеем вариант реформирования при чрезвычайно слабых общественных, и особенно гражданских, институтах, вследствие чего личность часто не может не только реализовать, но даже и проявить себя. Это ведет к политической нестабильности вместо политического и социального консенсуса на пути дальнейших преобразований и демократизации жизни. В таких условиях заинтересованность в высокопроизводительной работе и мотивационные механизмы к нововведениям для повышения ее эффективности, а значит, и конкурентоспособности, нивелируются, кроме того, активизируется стремление к быстрой наживе и потреблению вместо накопления. Последнее подменяется процессами законного, но морально нелегитимного присвоения и незаконного обогащения. Это тоже генерирует политическое противостояние и обостряет социальное недовольство вместо солидаризации усилий в направлении демократизации общества и стабильного экономического роста.

Направления решения указанных проблем должны быть связаны с изменениями в политической системе, что может обеспечить политическую стабильность на основе консенсуса между политическими силами. Объединение политических сил на этом пути обязательно, поскольку договоренность между более чем 100 политическими партиями невозможна. Именно поэтому с точки зрения синхронизации

политической и экономической реформ в реконструктивной модели ответственная роль в объединяющем политическом процессе отводится лидерам, которые должны и могут его осуществить. В свою очередь, государство обязано всячески содействовать этому процессу, категорически не допуская реализации тезиса “разделяй и властвуй”. Решением данного вопроса выступает конкурентная политика государства, являющаяся результатом очень сложного взаимодействия *двух факторов: политической конкуренции и конкуренции в бизнесе, особенно в переходных обществах*. В Украине проблема обеспечения взаимосвязи добросовестной конкуренции в политике и бизнесе буквально “наэлектризована” условиями современной экономической и политической действительности, в которой преобладает конфликтность, а не адекватность или толерантность.

Сам по себе термин “политическая конкуренция” не очень удачный, поскольку конкуренция не на рынке — это соперничество в какой-либо области между отдельными лицами, заинтересованными в достижении одной и той же цели, но для себя лично. Такое понимание конкуренции в социуме, направленное на личность, а не на общество в целом, существенно отличается от определения конкуренции в экономике как объективного свойства рынка.

Действия любого государства соответствуют его сути, то есть интересам тех, чьи ожидания оно выражает. Власть, как хорошо известно, никому ничего не должна, кроме своей собственной электоральной (социальной) базы с присущими ей интересами. Из всех многочисленных теорий происхождения государства наиболее популярна, по нашему мнению, та, согласно которой экономически господствующая элита создает государство как аппарат принуждения для сохранения своих экономических интересов. Когорта собственников всегда исключала из процессов политической конкуренции своих антагонистов, чтобы не допустить установления правил экономической конкуренции для тех, кто может негативно повлиять на ее результаты. В таких условиях могут пострадать и демократические избирательные процедуры, поскольку при голосовании предпочтение отдается тем, кто поддерживает увеличение государственных расходов на социальные нужды в ущерб процессам накопления капитала. Отсюда проистекают возможные варианты соотношения политической и экономической конкуренции.

Государство для сглаживания острых противоречий и достижения большей гармонизации общества расширяет свою социальную базу и распространяет на нее правила добросовестной политической конкуренции. В результате этого формируются как властные структуры, так и социальные институты, расширяющие содержание и соответствующие правила добросовестной экономической и политической конкуренции для большинства, в результате чего государство ведет себя реалистично, не допуская усиления давления на более бедные слои населения. Такое государство может даже взять на себя определенные патерналистские социальные функции не в ущерб политике роста. Этот вариант политической и экономической конкуренции соответствует так называемой модели “сбалансированного соотношения”.

Другая модель называется “несбалансированное соотношение”. В ней государство, за ширмой фиктивных демократических конституционных установок, с целью самосохранения устанавливает правила недобросовестной политической конкуренции, обеспечивающие пребывание у власти узкого круга лиц, ради экономических интересов которых под прикрытием фиктивного антимонопольного законодательства фактически действуют правила недобросовестной экономической конкуренции.

Несбалансированное соотношение политической и экономической реформ, как правило, существует там и тогда, где и когда происходит разрыв между дей-

ствующими условиями реализации принципа политического плюрализма и меняющимися экономическими интересами власти. Эта модель недолговечна, поскольку ни одно государство не может нормально функционировать в условиях такого дисбаланса. Рано или поздно власть будет вынуждена согласовывать политическую и экономическую реформы, иначе следует ожидать обострения с последующим политическим и экономическим кризисом.

Государство может мешать развитию бизнеса на принципах конкуренции, поскольку ее отсутствие в политике способно привести к власти лиц, которые будут противостоять экономическим интересам общества, а с помощью подкупа и использования “грязных” технологий, в том числе и избирательных, попытаются создать условия для лоббирования своих интересов, стремясь захватить и взять под контроль высшие должности в государстве. При таких условиях содержание политической реформы по влиянию на изменения в экономике сужается до уровня, удобного, в частности, крупному бизнесу. Отсюда следует суть политики, позволяющей реализовывать решения в интересах не несущего социальной ответственности бизнеса. А значит, появляется больше возможностей для принятия решений, из-за которых все меньше места остается для реализации демократического процесса [7, с. 14–15, табл.].

Кроме того, бизнес может мешать государству в случае доминирования, в частности, финансовой олигархии, последовательно укрепляющей свои позиции. При таком сценарии и уголовном преследовании административная верхушка может оттеснить ее от власти и сформировать условия для перераспределения собственности в направлении ее деконцентрации. Как следствие, постепенно будут устанавливаться новые правила, формирующие новую суть политической реформы и придающие новый смысл изменениям в сфере экономики. Здесь ключевую роль для успешности реформ в позитивном плане играет добросовестная конкуренция в политике и бизнесе, когда никакая из групп давления не может наложить принудительные обязательства на политическую систему [7, с. 14–15, табл.].

При этом важно учитывать, что утверждение о том, что здоровая политическая конкуренция порождает здоровую конкуренцию в бизнесе, ошибочно, поскольку зависимость, скорее, будет обратной. Потребность государства в здоровой экономической конкуренции побуждает нормально работать механизмы политического плюрализма, и это, собственно, доказывает правильность утверждения о том, что хорошая экономическая политика не должна быть политизированной.

Общество, в котором искусственно ограничена политическая конкуренция в условиях монополизма собственности, со временем приобретает взрывоопасный характер, способный вызвать насильственную смену власти и правил экономической конкуренции. Как результат, конкуренция в Украине накануне кризиса 2008 г. и в условиях неизбежного хаоса, порожденного малокомпетентными людьми, пришедшими к власти в результате первой “революции на Майдане”, свелась к “активизации мелкособственнических политических партий националистической окраски, отчаянной вражде между партийными группировками, попытке втянуть в политические междоусобицы широкие слои рядовых граждан, межгосударственным и политическим конфликтам как реальному проявлению глобализации мирового геополитического пространства, мирового финансового и энергетического кризиса, что отразилось со всей их сложностью на взаимосвязях родственных социальных и социально-психологических процессов, придало им хаотический, разъединяющий характер и тем самым “заморозило” на сравнительно высоком уровне признание гражданами Украины необходимости социального протеста. Прогнозировать будущую судьбу последнего при подобной хаотичности крайне трудно... Такое со-

стояние общества долго сохраняться не может” [19]. Это был довольно точный прогноз, что и подтвердили события на втором Майдане в 2013–2014 гг., требующие кардинальных изменений в формировании конкурентной среды как в политике, так и в экономике. При этом необходимо четко понимать, что эти два понятия теснейшим образом взаимосвязаны и взаимозависимы.

В начале XXI в. изменения в деловом мире происходят с невиданной для прошлого столетия скоростью, ни одно конкурентное преимущество не может долго держаться даже в том случае, если его удастся отыскать. Сегодня принципиальное значение приобрело создание конкурентных преимуществ, которые следует поставить на поток. Инновации должны внедряться одна за другой, и чем быстрее, тем лучше.

В Украине до сих пор не хватает действенных соревновательных стимулов к активному инвестированию, а конкурентоспособность отечественных товаров обеспечивается преимущественно за счет дешевой рабочей силы, заниженного курса гривни, бюджетного субсидирования, получения “теневых” доходов, эксплуатации природных и экологических ресурсов с ориентацией, прежде всего, на ценовую конъюнктуру на глобальных рынках. За счет этих факторов отечественным товаропроизводителям удалось обеспечить некоторые позиции на мировых рынках низкотехнологичной продукции – металлургии, химической промышленности, нефтепереработки, а также сельхозсырья. Однако в условиях экономической открытости их нельзя признать перспективными, ведь кризисы 2008–2009 гг. и 2014–2015 гг. уже останавливали их развитие, и это может произойти в дальнейшем.

Основные направления развития конкуренции мог бы поддерживать отечественный бизнес, однако он сам шокирован реалиями мировой конкуренции как на внешних рынках, так и внутри страны, особенно в условиях мирового кризиса. Чтобы выжить в современной конкурентной среде и повысить свою эффективность, украинскому бизнесу необходимо иметь гарантии в сфере экономического регулирования. Речь идет о равных возможностях по защите своих прав, равном доступе к механизмам государственной поддержки, четких правилах игры и разумном бремени обязанностей перед государством, о чем говорилось при характеристике распределения полномочий, намерений и действий основополагающих общественных субъектов в случае реализации модели именно демократического, а не существующего постдемократического капитализма с его недостатками, которые последнему создает власть корпораций. В то же время отечественному бизнесу, действующему легально и прозрачно, часто приходится “стучать в закрытые двери” там, где его конкуренты решают свои проблемы с помощью наработанных их государствами механизмов и правовых норм, поскольку “капитализм никогда не мог и сегодня не может существовать без поддержки государства. Именно политическая власть гарантирует, например, соблюдение прав собственности; именно государство обладает средствами принуждения, которые в случае необходимости могут заставить уважать права работников, а также интересы предприятий и заключенные между ними контракты” [20, с. 854]. А залогом такого успеха является равноправие отношений между государством, бизнесом и субъектами голосования, которые в конкурентной среде уравниваются демократическими избирательными процедурами, в результате осуществления которых достигается реалистичность взаимодействия основных общественных акторов – государства, бизнеса и субъектов голосования.

В стране происходит политическая реформа, и общественный запрос на качественную власть, которая работала бы на ее модернизацию и повышение конкурентоспособности, только усилился. Общественность (субъекты голосования) требует ак-

тивных и последовательных действий по реформированию власти и формированию государства, способного все уравновесить. Нельзя забывать, что высокое качество власти обеспечивается в первую очередь демократическими механизмами ее формирования на основе реального конкурентного процесса, о содержании которого говорилось ранее. К тому же, когда мир входит в жесткую глобальную конкуренцию, которая не понимает и не воспринимает языка абстрактных формулировок и “идеологических аксиом”, современная конкуренция на уровне страны – это обеспечение ее позиций в мире с использованием всего арсенала средств экономической политики. При этом конкуренция в политике, или политическая конкуренция, является, с одной стороны, свидетельством демократичности государства, а с другой – восприятием его как равноправного субъекта. И если мы хотим конкурировать на равных, наши подходы должны быть адекватными, то есть произойдет процесс конвергенции, благодаря чему успешными станут горизонтальные взаимосвязи Украины, которые все более характерны для глобального развития, где сетевые структуры получают лучшие перспективы.

По социально-экономической модели, сформированной за более чем 25 лет, Украина, как и большинство стран, образовавшихся вследствие распада СССР, оказалась отброшенной на десятки позиций назад в мировых рейтингах экономического развития, развития человеческого потенциала, конкурентоспособности и уровня жизни как такового, о чем свидетельствует проблема бедности, до сих пор остающаяся болезненным вопросом. Вследствие этого политическая составляющая реформ в сфере экономики постоянно находится под давлением бремени бедности, что требует от власти и ее политики удовлетворения материальных запросов общества. Это заставит власть решить существующие социальные проблемы обедневшего населения и государства, на которое влияет крупный капитал. Если этот порочный круг не будет разорван, следует ожидать углубления кризиса, прежде всего, угрозы целостности страны, ибо еще Гегель предупреждал: “Стремление превратить власть государства в частную собственность есть не что иное, как путь к распаду государства, к уничтожению его как силы. Та доля государственной власти, которую приобрел для себя отдельный индивидуум, вообще потеряна для власти” [21, с. 184].

Список использованной литературы

1. *Кораблін С.О.* Макроекономічна динаміка України: пастка сировинних ринків : моногр. – К. : ДУ “Ін-т екон. та прогнозув. НАН України”, 2017. – 308 с.
2. *Геец В.М.* Преодоление квазирыночности – путь к инвестиционно ориентированной модели экономического роста // Экономика Украины. – 2015. – № 6. – С. 4–17.
3. *Сіденко В.Р.* Глобальні структурні трансформації та тренди економіки України // Економіка і прогнозування. – 2018. – № 1. – С. 37–57 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://eip.org.ua/docs/EP_18_1_37_uk.pdf.
4. *Геець В.М.* Інституційна обумовленість ендогенізації економічного розвитку // Журнал європейської економіки. – 2018. – № 2. – С. 16–28.
5. *Джейкобс Г.* Политическая экономия неоллиберализма и неоллиберальная демократия // Мир перемен. – 2018. – № 1. – С. 8–21.
6. *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему ; [пер. с англ.]. – М. : Эксмо, 2015. – 512 с.
7. *Геец В.М.* Особенности взаимосвязи экономических и политических трансформаций на пути к реконструктивному развитию экономики Украины // Экономика Украины. – 2017. – № 10. – С. 3–17.
8. *Ролз Дж.* Теория справедливости. – Новосибирск : НГУ, 1995. – 532 с.

9. *Кастельс М.* Власть коммуникации : учеб. пособ. ; [пер с англ.]. – М. : Высшая школа экономики, 2016. – 564 с.
10. Українське суспільство. Моніторинг соціальних змін 1992–2014 ; [за ред. В.М. Ворони, М.О. Шульги]. – К. : Інститут соціології НАН України, 2014. – Т. 2. – 412 с.
11. *Гурова Т.* Миллиарды бедных вместо золотого миллиарда // Эксперт. – 2018. – № 1-2. – С. 22–23.
12. Цінності українського суспільства і моральний вибір: український досвід ; [за ред. А.М. Єрмоленка, О.О. Кисельова]. – К. : Етна-1, 2006. – 268 с.
13. *Йонас Г.* Принцип відповідальності. У пошуках етики для технологічної цивілізації. – К. : Лібра, 2001. – 400 с.
14. *Гець В.М.* Довіра і розвиток в українських реаліях / Творення простору суспільної довіри в Україні ХХІ сторіччя : матер. міжнар. наук.-практ. конф. – К. : ДВНЗ “Університет банківської справи”, 2017. – С. 15–30.
15. *Корнаи Я.* Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: успех и разочарование // Мир перемен. – 2006. – № 2. – С. 8–44.
16. *Williamson O.* The new institutional economics: taking stock, looking ahead // Journal of Economic Literature. – 2000. – Vol. 38. – № 3. – P. 595–613.
17. Моніторинг соціальних змін / Українське суспільство ; [за ред. В.М. Ворони, М.О. Шульги]. – К. : Інститут соціології НАНУ, 2017. – С. 489–491.
18. *Мейсон П.* Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. – 416 с.
19. *Суїменко Є.І.* Динаміка споріднених соціально-економічних процесів в Україні / Українське суспільство: десять років незалежності (соціологічний моніторинг та коментарі науковців) ; [за ред. В.М. Ворони, М.О. Шульги]. – К. : Інститут соціології НАНУ, 2001. – 662 с. – С. 20–29.
20. *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – С. 976.
21. *Гегель Г.* Политические произведения. – М. : Наука, 1978. – 440 с.

References

1. Korablin S.O. *Макроекономічна Динаміка України: Пастка Сировинних Ринків* [Macroeconomic Dynamics of Ukraine: the Trap of Commodity Markets]. Kyiv, Institute for Economics and Forecasting of the NAS of Ukraine, 2017 [in Ukrainian].
2. Heyets V.M. *Preodolenie kvazirynochnosti – put' k investitsionno orientirovannoi modeli ekonomicheskogo rosta* [Overcoming the quasimarketness – a way to the investment-oriented model of economic growth]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2015, No. 6, pp. 4–17 [in Russian].
3. Sidenko V.R. *Global'ni strukturni transformatsii ta trendy ekonomiky Ukrainy* [Global structural transformations and trends in Ukrainian economy]. *Ekonomika i prognozuvannya – Economy and Forecasting*, 2018, No. 1, pp. 37–57, available at: http://eip.org.ua/docs/EP_18_1_37_uk.pdf [in Ukrainian].
4. Heyets V.M. *Instytutsiina obumovlenist' endohenizatsii ekonomichnoho rozvytku* [Institutional conditioning of the endogenization of economic development]. *Zhurnal Evropeiskoi ekonomiky – Journal of European Economy*, 2018, No. 2, pp. 16–28 [in Ukrainian].
5. Jacobs G. *Politicheskaya ekonomiya neoliberalizma i neoliberal'naya demokratiya* [Political economy of neoliberalism and neoliberal democracy]. *Mir peremen – The world of change*, 2018, No. 1, pp. 8–21 [in Russian].

6. Stiglitz J. *Tsena Neravenstva. Chem Rassloenie Obshchestva Grozit Nashemu Budushchemu* [The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future]. Moscow, Eksmo, 2015 [in Russian].
7. Heyets V.M. *Osobennosti vzaimosvyazi ekonomicheskikh i politicheskikh transformatsii na puti k rekonstruktivnomu razvitiyu ekonomiki Ukrainy* [Peculiarities of interrelationship of economic and political transformations on the way to reconstructive development of Ukraine's economy]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2017, No. 10, pp. 3–17 [in Russian].
8. Rawls J. *Teoriya Spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk, NSU, 1995 [in Russian].
9. Castells M. *Vlast' Kommunikatsii* [Communication Power]. Moscow, PH of High School of Economics, 2016 [in Russian].
10. *Ukrains'ke Suspil'stvo. Monitoryng Sotsial'nykh Zmin 1992–2014* [Ukrainian Society. Monitoring of Social Change 1992–2014]. V.M. Vorona, M.O. Shul'ga (Eds.). Kyiv, Institute of Sociology of the NAS of Ukraine, 2014, Vol. 2 [in Ukrainian].
11. Gurova T. *Milliardy bednykh vmesto zolotogo milliarda* [Billions of the poor instead of the golden billion]. *Ekspert – Expert*, 2018, No. 1-2, pp. 22–23 [in Russian].
12. *Tsinnosti Ukrain's'koho Suspil'stva i Moral'nyi Vybir: Ukrain's'kyi Dosvid* [Values of Ukrainian Society and Moral Choice: Ukrainian Experience]. A.M. Ermolenko, O.O. Kysel'ov (Eds.). Kyiv, Etna-1, 2006 [in Ukrainian].
13. Jonas H. *Pryntsyp Vidpovidal'nosti. U Poshukakh Etyky dlya Tekhnolohichnoi Tsyvilizatsii* [The Principle of Responsibility. Attempt of Ethics for Technological Civilization]. Kyiv, Libra, 2001 [in Ukrainian].
14. Heyets V.M. *Dovira i rozvytok v ukrains'kykh realiyakh* [Trust and development in Ukrainian realities]. Proceedings from: *Tvorennya prostoru suspil'noi doviry v Ukraini XXI storichchya. Mizhnar. nauk.-prakt. konf.* [Creation of a space of public trust in Ukraine of the XXI century. International scientific and practical conference]. Kyiv, University of Banking, 2017, pp. 15–30 [in Ukrainian].
15. Kornai J. *Velikaya transformatsiya Tsentral'no-Vostochnoi Evropy: uspekh i razocharovanie* [The Great Transformation of Central Eastern Europe: Success and Disappointment]. *Mir peremen – The world of change*, 2006, No. 2, pp. 8–44 [in Russian].
16. Williamson O. The new institutional economics: taking stock, looking ahead. *Journal of Economic Literature*, 2000, Vol. 38, No. 3, pp. 595–613.
17. *Ukrains'ke Suspil'stvo: Monitoryng Sotsial'nykh Zmin* [Ukrainian Society: Monitoring of Social Changes]. V.M. Vorona, M.O. Shul'ga (Eds.). Kyiv, Institute of Sociology of the NAS of Ukraine, 2017, pp. 489–491 [in Ukrainian].
18. Mason P. *Postkapitalizm. Putevoditel' po Nashemu Budushchemu* [PostCapitalism: A Guide to our Future]. Moscow, Ad Marginem Press, 2016 [in Russian].
19. Suimenko E.I. *Dynamika Sporidnenykh Sotsial'no-Ekonomichnykh Protsesiv v Ukraini, v: Ukrain's'ke Suspil'stvo: Desyat' Rokiv Nezalezhnosti* [Dynamics of Related Socio-Economic Processes in Ukraine, in: Ukrainian Society: Ten Years of Independence]. V.M. Vorona, M.O. Shul'ga (Eds.). Kyiv, Institute of Sociology of the NAS of Ukraine, 2001, pp. 20–29 [in Ukrainian].
20. Boltanski L., Chiapello E. *Novyi Dukh Kapitalizma* [The New Spirit of Capitalism]. Moscow, New literary review, 2011 [in Russian].
21. Hegel G. *Politicheskie Proizvedeniya* [Political Works]. Moscow, Nauka, 1978 [in Russian].

*Статья поступила в редакцию 15 мая 2018 г.
The article was received by the Editorial staff on May 15, 2018.*